

**ГРАМОТНОСТЬ В ЛАТЫШСКИХ КОЛОНИЯХ
В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ (ПО ДАННЫМ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 ГОДА)**
Т. Кикутс
г. Рига, Латвия

У артыкуле разглядаеца ўзровень пісьменнасці сярод латышскіх сялян-каланістай на беларускіх землях на падставе дадзеных усерасійскага перапісу насельніцтва 1897 г. Узровень пісьменнасці латышоў Магілёўскай, Мінскай і Віцебскай губерні Расійскай імперыі аналізуецца па такім паказчыкам як узрост, пол, веданне рускай і роднай (латышской) мовы.

In the paper “Literacy in the Latvian Peasant Colonies in Belarus in the 1897 All-Russia Census” literacy rates among the Latvian peasants-colonists in Belarus are examined. Basis of the research are the published data of the 1897 census. Latvian literacy rates in Mogilev, Minsk and Vitebsk provinces of the Russian Empire are analyzed including age, sex, knowledge of Russian and native (Latvian) language.

Историю латышских крестьянских колоний, во-первых, можно рассматривать как переселение, которое предопределила и на которое повлияла ситуация в Прибалтийских губерниях, опыт в бывшем месте жительства, традиции. Во-вторых, как переселение и жизнь в чужой культурной среде, другой социально-экономической ситуации. Но, как указала американская исследовательница истории миграции Лесли Мок (*Moch*), чтобы понять происходящее на новом месте жительства, необходимо увидеть ситуацию переселенца на предыдущем месте жительства [1]. А именно, анализируя процессы в диаспоре, нужно брать во внимание тот опыт (в самом широком значении), который латыши как этническая группа получили на своей родине.

Образование было напрямую связано и с предыдущим опытом переселенцев и отображало ситуацию на новом месте жительства. С такой точки зрения в статье исследован уровень образования в латышских крестьянских колониях в Могилёвской, Минской и Витебской губерниях во второй половине XIX и в начале XX века. Как показатель, характеризующий уровень образования, была выбрана грамотность среди латышских переселенцев по материалам переписи населения 1897 года, т.е. в то время, когда образование самых больших латышских колоний на территории Беларуси уже было закончено.

Данные о половой и возрастной структуре грамотных получены при использовании раздела переписи населения 1897 года о грамотности среди принадлежащих к конкретным этническим группам. Надо упомянуть, что при переписи сначала бралась во внимание грамотность на русском и только в случае, когда лицо отвечала отрицательно, отмечалась грамотность на

другом языке (т.е. латышском) [2]. Следовательно, общий показатель грамотности нерусских жителей Российской империи складывается из суммы умеющих читать на русском и на другом (т.е. родном) языке.

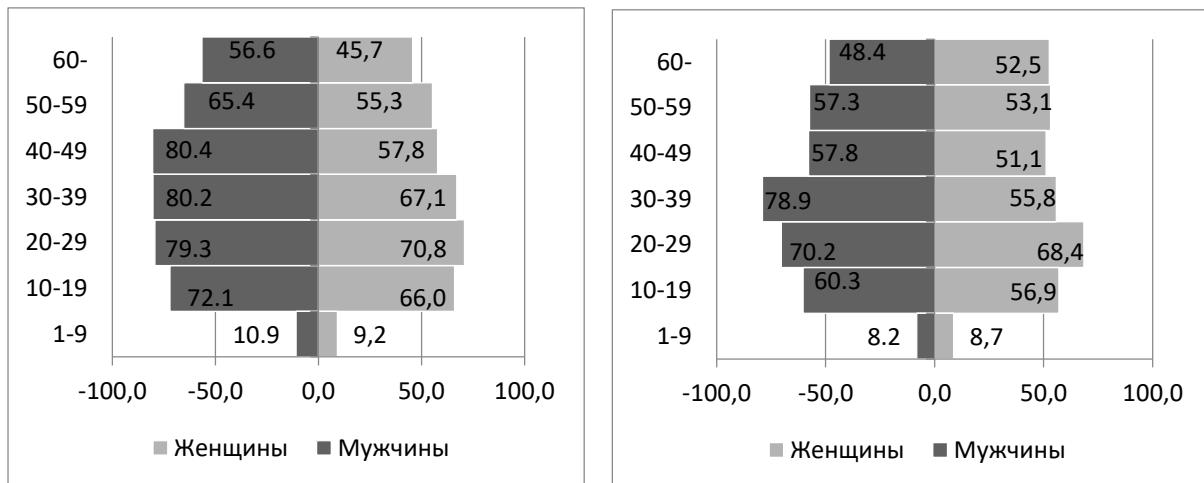

Рис. 1–3. Удельный вес латышей, владеющих грамотой на русском или других языках (по возрастно-половым группам) (1897 год)

- 1) Могилёвская губерния (вверху) 2) Минская губерния (вверху)
 3) Витебская губерния (без Режицкого, Люцинского и Двинского уездов) (внизу)

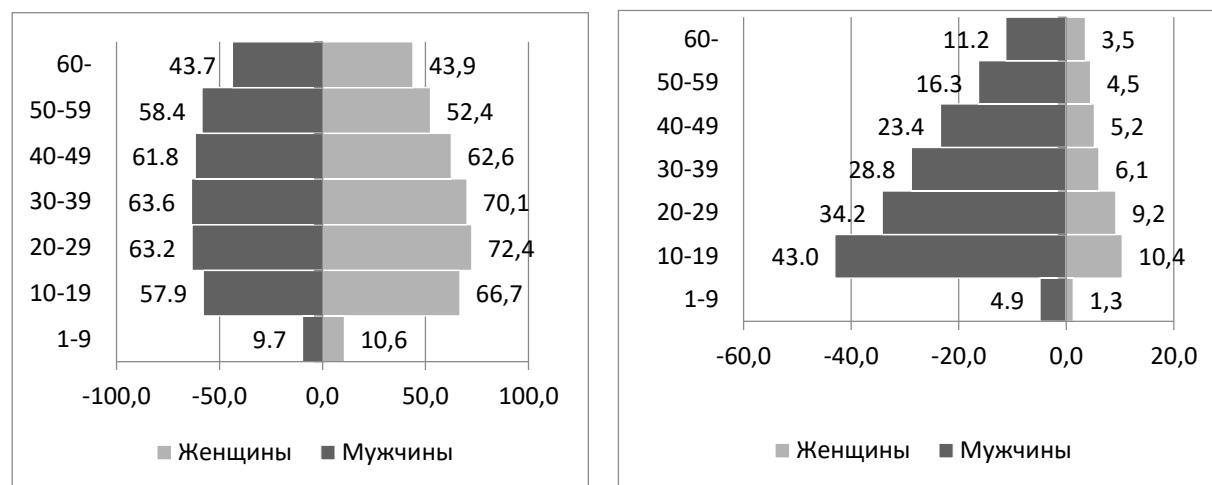
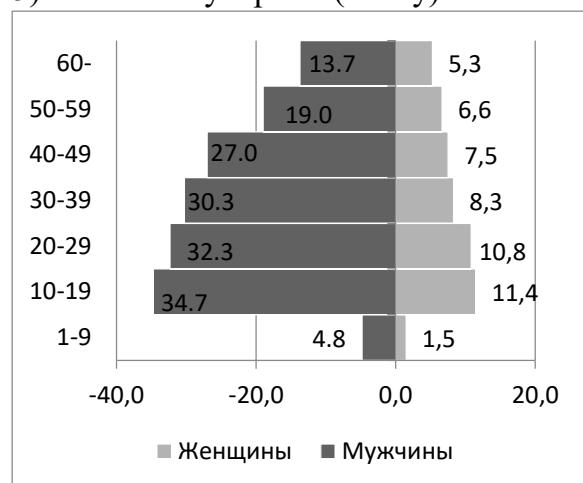

Рис. 4. Общий удельный вес владеющих грамотой на русском или других языках (по возрастно-половым группам) (1897 год)

- 4) Могилёвская губерния (вверху)

Рис. 5–6. Общий удельный вес владеющих грамотой на русском или других языках (по возрастно-половым группам) (1897 год)

5) Минская губерния (внизу)

6) Витебская губерния (внизу)

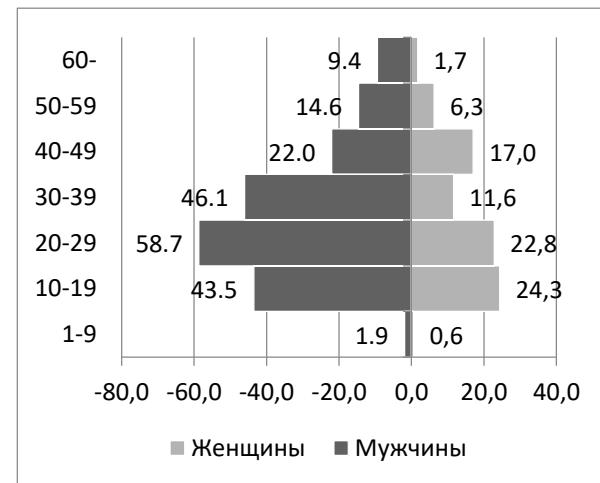
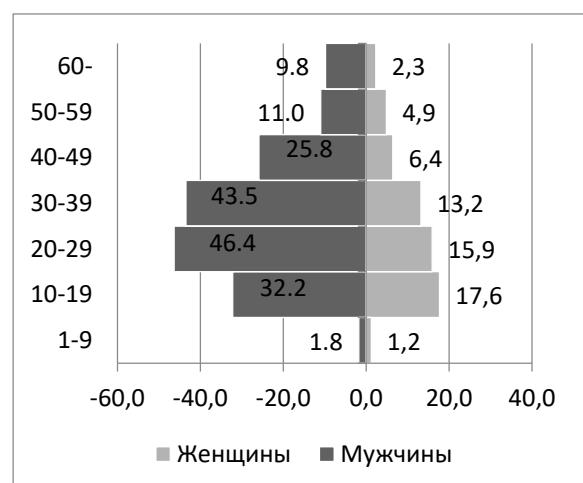
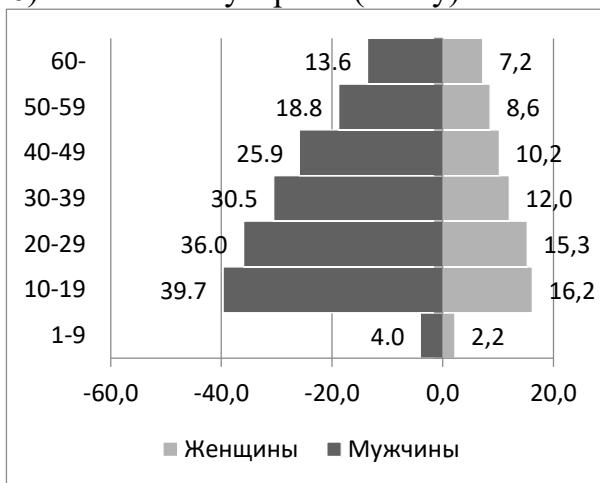
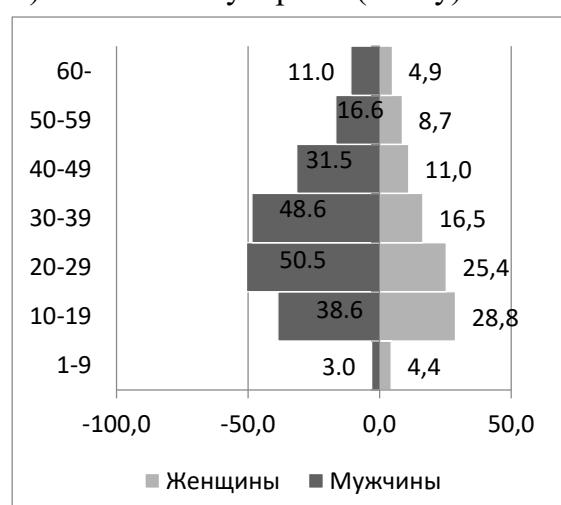

Рис. 7–9. Удельный вес латышей, владеющих грамотой на русском языке (по возрастно-половым группам) (1897 год)

7) Могилёвская губерния (вверху)

9) Витебская губерния (внизу)

8) Минская губерния (вверху)

Общий удельный вес грамотных латышей среди сельских жителей в Витебской, Могилевской и Минской губерниях заметно превышал средние показатели губерний. Среди взрослых латышей (старше 20 лет), умеющих читать было около 65% мужчин и 62% женщин, в свою очередь, общий удельный вес грамотных в этих губерниях был соответственно 26% и 9% [3]. Значительное различие определили традиции и организация образования в сельской местности, которая в Лифляндской и Курляндской губерниях в XIX в. (на фоне общего состояния дела в Российской империи) было на высоком уровне. Особое внимание следует обратить на распространённость домашнего чтения. Но всё же уровень грамотности среди латышей-переселенцев был ниже, чем в Прибалтийских губерниях, где он превышал 90%. Это указывало на негативные тенденции в области организации образования в крестьянских колониях на новом месте жительства.

В сравнении латышами-колонистами из Минской и Могилёвской губерний немного ниже показатель грамотности среди латышей был в Витебской губернии (без Латгалии, т.е. трёх «латышских уездов» – Двинского, Люцинского и Режицкого). В некоторой степени это можно объяснить большим удельным весом латышей, переселившихся именно из Латгальских уездов, где уровень грамотности был значительно ниже. Отличалась там и организация школ. В Латгалии общий уровень грамотности латышей в уездах без городов (на русском и других языках во всех возрастных группах) был только около 39–42 % среди мужчин и 48–51% среди женщин [4]. Однако это может быть только предположением, т.к. о происхождении переселенцев не хватает точных данных, но конфессиональное деление показывает, что в Витебской губернии вне Латгалии католиков было до 18% из проживающих там латышей (в Минской – 12%, Могилёвской – 9%). В Прибалтийских губерниях большинство латышей были лютеранами, а в Лифляндской была и значительная группа православных латышей. Часть латышей-католиков были выходцами из юго-восточных уездов Курляндской губернии, однако большая часть – из Латгалии. В Витебской губернии латыши исповедовали преимущественно католичество, что и позволило нам сделать данный вывод.

В данных переписи населения 1897 г. анализу подлежат ещё некоторые тенденции: во-первых, различие в уровне грамотности мужчин и женщин; во-вторых, возрастная структура грамотных и, в-третьих, специфическая возрастная структура среди латышей, владеющих грамотой на русском языке.

В отношении деления по половому признаку, среди латышей было значительно больше грамотных женщин, чем в показателях уровня грамотности по всем другим этническим группам. В Минской, Могилёвской и Витебской губерниях различие между уровнем грамотности среди мужчин и женщин было в три или четыре раза (в пользу мужчин), в свою очередь, среди

латышей это различие не превышало 25%. В «белорусских уездах» Витебской губернии удельный вес грамотных среди латышских женщин в большей части возрастных групп даже превышал показатели грамотности мужчин. Частично эти показатели можно объяснить высоким уровнем грамотности среди латышских женщин в Латгалии, что было следствием меньшей развитости там школьного образования, которое было в большей степени привилегией для юношей (тогда как в домашнем обучении такой иерархии не существовало).

Как показывают исследования о положении латышских женщин в XIX в., главным фактором в образовании женщин, и, особенно крестьянок, тогда было не формальное (школьное) образование, а традиции домашнего обучения [5]. Мальчиков в сельских местностях Лифляндской и Курляндской губерний в большинстве случаев посылали в школы, а девочек и не посещающих школу мальчиков читать учили дома. Это делали либо родители, либо т.н. катехеты, которые фактически были странствующими учителями в сельских приходах. В официальных документах, регулирующих образование, в 1870-ых гг. в Лифляндской и Курляндской губерниях домашнее обучение (чтение, катехизис и таблица умножения) вменялось в обязанность родителям или хозяевам в том случае, если ребёнок не ходил в школу, а также при подготовке к школе [6]. Дома обучением чтению главным образом занимались именно женщины [7]. Нужно брать во внимание, что и в сельских школах в Балтии во второй половине XIX в. был сравнительно большой удельный вес девочек, почти 35–45% от общего количества учеников [8]. По крайней мере, традиция домашнего обучения была сильна и распространена. Она играла значительную роль в латышской духовной жизни и выступает одним из важнейших элементов опыта, который необходимо принимать во внимание при исследовании латышской диаспоры. Это помогло обеспечить овладение грамотностью в обстоятельствах, когда школы были недоступны (особенно вне этнической родины).

Уровень грамотности среди женщин и мужчин отражает представления об образовании женщин, его доступности, и в известной мере демонстрирует и уровень равенства полов. Традиция домашнего обучения не разделяла мальчиков и девочек, как это часто происходило в школьных стенах. Но важнейшим было унаследованное представление о необходимости усвоения элементарных умений. Этот фактор, безусловно, способствовал и организации школ в латышских колониях, и сохранению связей с Балтией посредством газет и писем. Грамотность и уровень образования были одними из тех элементов, которые отличали латышских колонистов среди местных крестьян на новом месте жительства.

Возрастная структура грамотных латышей указывает на значение образовательной традиции. Общая возрастная структура грамотных в Минской, Могилёвской и Витебской губерниях в 1897 г. была ступенчатой – молодое поколение было значительно лучше обучено чтению, в свою очередь, среди

старшего населения процент грамотных был во много раз меньше. Это связано с постепенным развитием образования в сельской местности в XIX в. В свою очередь, возрастная структура грамотных латышей была равномернее, и уровень грамотности старшего поколения не был намного ниже, чем у только что достигших совершеннолетия. В переписи 1897 г. среди учтённых латышей, которые родились до 1837 г., было 44–57% грамотных мужчин и примерно такое же количество среди женщин. Это значит, что и большая часть старшего поколения переселенцев в колониях была грамотной.

Однако данные переписи населения 1897 г. показывают, что среди младшего поколения латышей (родившегося в 1878–1887 гг.) уровень грамотности был ниже, чем среди родившихся до 1877 г. Эта тенденция связана с множеством факторов. Среди тех латышских семей, которые переселились незадолго до переписи, показатели могли бы указывать на послабление контроля за домашним образованием в конце XIX в. и перемены в образовании в обстоятельствах русификации в Прибалтийских губерниях со второй половины 1880-ых гг. В свою очередь, в отношении к другим колонистам, которые уже родились на белорусской территории, эти данные показывают проблемы организации школ в колониях и неспособность священников и кистеров (*смотрители церковных зданий у лютеран – М.К.*) выполнять строгий и полный надзор над домашним образованием и грамотностью. Конечно, надо брать во внимание, что в группе 10–19-летних жителей не все ещё были обучены.

Своебразная была возрастно-половая структура умеющих читать на русском языке. Среди тех латышей, которые в 1897 г. умели читать на русском, был значительный перевес мужчин, тогда как большая часть женщин умела читать только на латышском языке. К тому же намного лучший удельный вес грамотных был среди двадцатилетних и тридцатилетних. Эта ситуация была связана со многими обстоятельствами. В основном формальное образование получали мальчики, пока девочки дома могли освоить лишь латышский язык, на котором умели читать их родители. До второй половины 1880-ых гг. в школах низшего уровня в Прибалтийских губерниях учебный процесс в основном проходил на латышском языке, и только русификаторская политика Александра III определила резкий и обязательный переход на русский язык в образовании. Поэтому и среди мужчин, и среди женщин заметный удельный вес грамотных на русском языке мог вырасти только среди родившихся в 1870-ых гг., опираясь на тех колонистов, которые посещали школы с обучением на русском языке. Распространение русского языка среди молодого поколения крестьян-колонистов, конечно, определили и новые условия жизни вне родины, где русский язык был основой общения в публичной среде. Мужчины после военной реформы 1874 г. были подвержены и всеобщей обязательной военной службе, где необходимо было знание русского языка. Но в общем и среди 20–40-летних латышей примерно третья часть грамотных мужчин и 70–80% женщин умели читать

только на латышском языке. При этом среди 10–19-летних мужчин удельный вес грамотных на русском языке даже немного снизился. Этот факт является ещё одним признаком, который мог бы указать на школьные проблемы в крестьянских колониях, а именно, образование в период до появления там школ было организовано в виде домашнего обучения, что не позволяло овладеть навыками чтения на русском языке.

Таким образом, данные о грамотности позволяют нам понять особенности организации школ в латышских колониях на территории Беларуси в 1860–90-ых гг. Проанализированные показатели указывают на два противоположных фактора, которые нужно принимать во внимание, исследуя этот вопрос: сравнительно высокий общий уровень грамотности латышей, который заставляет думать о положительном опыте в организации образования и небольшое падение этого уровня среди младшего поколения в конце XIX в. В контексте этого вывода, с одной стороны, надо указать, что, например, уже в конце 1860-ых гг. в Грудиновской латышской колонии Могилёвской губернии и в небольших окрестных колониях работал учитель Иохан Гибейк, который вначале проводил учёбу и моления в поместье, а позже в здании школы [9]. В начале 1870-ых гг. была построена латышская школа и в Рудобелке Минской губернии [10]. Высоко надо оценить и положительные примеры других колоний, когда по инициативе самих колонистов при помощи помещика или приходов были организованы образовательные и религиозные центры, построены здания школ.

С другой стороны, например, в Галичской латышской колонии в Могилёвской губернии, основанной около 1870 г., работы по организации и строительству школы происходили только на рубеже XIX–XX вв. [11]. С основания колонии прошло примерно 30 лет, и в это время навыки чтения дети в основном усваивали дома. В латышских газетах 1880-ых гг. критике подвергалась и инертность колонистов при организации школ в окрестностях Лиозно Оршанского уезда Могилёвской губернии, где только в 1890-ых гг. начала работать школа латышских колонистов в Погостище [12]. Организации образования мешали взаимные конфликты и противоречия, но всё же большая часть колонистов оценивала необходимость школ и образовательные традиции элементарного образования как основу духовной жизни латышей вне их этнической родины [13].

Использованные источники:

1. Moch, L.P. Moving Europeans. Migration in Western Europe since 1650. – Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2003. – pp. 15-16.
2. Инструкция Всероссийской переписи населения 1897 года – Латвийский Государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 2706, оп. 1, д. 128.
3. Данные о сельских жителях Минской и Могилёвской губерний и Витебского, Велижского, Городокского, Дриссенского, Лепельского, Невельского, Полоцкого, Себежского уездов Витебской губернии (в том числе городов) подсчитаны по: Тройницкий, Н. (ред.). Первая всеобщая перепись населения Российской

империи, 1897 г. V. Витебская губерния. Тетрадь III. – Санкт-Петербург, 1903; XXII. Минская губерния. – Санкт-Петербург, 1904; XXIII. Могилевская губерния. – Санкт-Петербург, 1903.

4. Тройницкий, Н. (ред.). Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. V. Витебская губерния. Тетрадь III. – Санкт-Петербург, 1903.

5. Zelče, V., Nezināmā. Latvijas sievietes 19. gadsimta otrajā pusē. – Rīga: Latvijas arhīvistu biedrība, 2002. – 142.–151. lpp.

6. Mājas mācība // Dzimtenes Vēstnesis, 14.11.–15.12.1912., Nr. 265–292; [Kaudzīte, R.] Latviešu māju mācības // Austrums, 05.1895., Nr. 5 – 508.–513. lpp.

7. [Kaudzīte, R.] Latviešu māju mācības // Austrums, 05.1895., Nr. 5 – 511. lpp.

8. Zelče, V., Nezināmā. Latvijas sievietes 19. gadsimta otrajā pusē. – Rīga: Latvijas arhīvistu biedrība, 2002. – 150.–152. lpp.

9. Kalbergs, J., Ceplis F. No Grudinovkas // Baznīcas un Skolas Ziņas, 05. (17.) 05. 1871., Nr. 18.

10. Gibeik, J. No Mogilevas // Latviešu Avīzes, 18. (30.) 08. 1871., Nr. 33.

11. No Galičas (Mogilevas gub.) // Pielikums pie Latviešu Avīzēm, 1901., Nr. 49.

12. No Pogostišas (Mogilevas gubernā) // Balss, 24.10.1890., Nr. 43; Vitebskas puses latvieši // Mājas Vesis, 29.11.1880., Nr. 48.

13. No Pogostišas // Balss, 13.11.1891., Nr. 46.